

Белый шиповник, страсти виновник...

Современный романс

Часть первая

Глава 1

Господин Роев Владимир Иванович, потомственный дворянин, коллежский советник, преуспевающий чиновник министерства финансов, состоятельный и благополучный отец семейства, оказался в глупейшем для благородного человека положении. От него сбежала жена. Собственно, так считала молва. Полиция придерживалась менее романтической версии. Похоже, с молодой женщиной случилось несчастье, она подверглась насилию, а может, стала жертвой мошенников или убийц. Сам же злополучный муж полагал, будто ненаглядная его супруга Надежда Васильевна переживает сложный период своей жизни, переосмысливает их отношения, пытается понять саму себя. А для этого человеку необходимо одиночество. Она просто забилась в щелку, как мышонок, а когда успокоится, то вынырнет на свет Божий и вернется в большой и теплый дом, где ее все так любили. Он убежден был в своей точке зрения с самого первого дня, когда хватились беглянки.

— Она вернется, я уверен, это нервный срыв, она вернется! — убеждал он себя и рыдающую тещу, Катерину Андреевну.

— Нет, Вольдемар, на этот раз ты ее не вернешь! Я уверена, что теперь Надя покинула нас навсегда, чтобы связать свою жизнь с этим сластолюбцем, развратником Верховским!

Катерина Андреевна заплакала сильнее, и по ее прекрасному, нестаряющему лицу потоком полились слезы. При упоминании ненавистного имени Владимир Иванович побледнел от ярости и унижения. Взор его метнулся в сторону кабинета, где в запертом ящичке хранился пистолет. Теща, поймав этот взгляд, воскликнула:

— Ты что задумал, негодник! У тебя же сын растет! Хоть ты помни о ребенке, если у родной матери ум за разум зашел. Бросила мальчика, семью на своего любовника променяла!

Нет, слушать эти стенания было совершенно невыносимо. Но и сидеть сложа руки тоже невозможно. Надобно искать. Тем более что однажды, на заре их брака, он уже искал ее и вырывал из цепких объятий соперника. Тогда Господь услышал его страстные мольбы, может, смилуется и теперь?

Однако время шло, все поиски и усилия не давали результатов. Все тщетно, никаких следов. В бесплодных усилиях минул год. Роев постарел и осунулся. Он вышел в отставку и поставил крест на своей такой удачной карьере. Надежда найти жену

не покидала его, хотя вера в благополучный исход постепенно иссякала. Самыми сложными для его истерзанной души стали разговоры с маленьким сынишкой Васенькой, который ждал маменьку каждую минуту и без конца теребил то бабуку, то отца расспросами о ней. И вот однажды по весне, воротившись домой, Владимир Иванович обнаружил в своей столичной квартире Никодима Кротова. Кротов с женой постоянно жили в загородной усадьбе Роевых, присматривали за домом. Собственно, именно там прошлой осенью и пропала Надя Роева. Увидев Кротова, Владимир Иванович замер на пороге квартиры.

— Я, почитай, с самого утра вас дожидаясь, Владимир Иванович! Привез вам весть, только, наверное, нерадостную, весть-то, — тягуче, чуть нараспев произнес Никодим.

— Какую весть? — выдохнул Роев.

— Нашлась матушка Надежда Васильевна, нашлась голубушка!

— О Господи! Где? Как?! Отчего не привез?.. Или? — Владимир Иванович поперхнулся словами. В глазах Кротова он прочитал ответ. Нади больше нет.

Роев, стараясь не потерять самообладания, не дать отчаянию завладеть собой, отрывисто зазвонил в колокольчик. Спешно из комнат выбежала горничная.

— Катерине Андреевне передай, что выехали в «Уютное». Более пока ничего, поняла? Ни словечка! Сам все скажу. Сыну ни слова! Едем!

До вокзала домчали на лихаче. Роев расплатился, не глядя. Видавший виды лихач только покачал головой. Эка барина разобрало. Успели на трехчасовой поезд с Царскосельского вокзала. Всю дорогу Роев молчал, не спрашивал никаких подробностей. Ему надо было подготовить себя к встрече с любимой женщиной, обожаемой женщиной. Он грезил этим свиданием весь год, рисовал себе картины их встречи. Но не так! За окном вагона мелькали поля и деревья, дома и огороды. Но он не видел ничего, не слышал свистка паровоза, разговоров пассажиров. Вот уже и поезд позади. Путники сошли на маленькой станции, их ждет коляска. Трясучая раскисшая после зимы дорога засасывает колеса, лошадь с усилием передвигает ноги. Медленно подъехали к крыльцу дома. Дом окружали высокие старые дубы и липы. Почки на них еще только-только готовились раскрыться, чтобы потом превратиться в роскошный лиственный шатер для всей усадьбы. Шум подъехавшей коляски растревожил ворон, и они закружили над крышей дома и кронами деревьев, отвратительно каркая и усугубляя и без того тягостное настроение.

— Ой, батюшка! Ой, голубчик! Горе-то какое! — заголосила было жена Кротова, невысокая плотная баба в простом платке, стоявшая на крыльце в ожидании хозяина. Но Никодим строго цыкнул на нее, мол, не время еще голосить по барыне. И та замолчала, лишь горестно качая головой и изредка всхлипы-

вая. Тут же, в сторонке, дожидались еще несколько человек, из местных. Один снял шапку и подошел с поклоном.

— Шурин мой это, Степан. Да вы его помните, барин, он частенько с охоты приносит на кухню, чего добудет. Барыня Надежда Васильевна в прошлый год ругали его, чтобы мимо ребенка зайку мертвого не носил, помните? — Никодим легонько подтолкнул родственника к Роеву.

— Да, да, — нетерпеливо кивнул головой хозяин.

— Так вот я и нашел ее вчера на охоте поутру, — глухо пробормотал Степан.

— Где? — прошептал Владимир Иванович.

— Там, недалеко, пойдете, покажу, — мужик махнул рукой в сторону лесной дороги, начинавшейся недалеко за домом.

Шли молча. В лесу стоял чудный аромат влажной земли, пробуждающейся зелени, посвистывали пичужки, кое-где виднелись первые весенние цветочки. Но для Владимира не существовало ничего. Он шел в распахнутом пальто, шляпа сдвинута на затылок. Душа его замерла в предчувствии ужаса, ноги слушались плохо, два раза он останавливался перевести дух и протереть пенсне, предательски запотевшее и сползавшее с носа.

— Тут, — остановился неожиданно Степан и показал рукой вперед. Роев прошел несколько шагов. Впереди оказалась яма, полузасыпанная ветками и листьями. Владимир Иванович отлично помнил, что

мимо этого места они проходили осенью в поисках жены несколько раз, но не видели ямы вовсе! Медленно, будто боясь кого-то спугнуть, он приблизился к темноте ямы. Сначала его глаза не увидели ничего, какое-то месиво на дне. Роев поправил пенсне и напряг свои близорукие глаза. В следующий миг он отпрянул с криком ужаса и боли. Шатаясь, как слепой, и хватаясь за деревья, он хотел бежать прочь, но не смог. Его вырвало, лицо приобрело серый цвет, и он потерял сознание.

Глава 2

Князь Евгений Верховский был чудо как хорош собой. Росту высокого, кость тонкая, поступь грациозная, первый танцор на всех балах! Черты лица, полные изящества и томности, обрамлялись слегка вьющимися темно-русыми волосами. Серые глаза завораживали своим особенным выражением. Они были подобны глубокой темной воде — красиво и страшно. Что таится в этой глубине?

Евгений принадлежал к старинному русскому роду, но, как многие дворянские семьи, постепенно вымирающему. От былых богатств некогда влиятельных и состоятельных предков, блиставших при прежних Романовых, остались жалкие крохи, да и те распушил по ветру покойный папенька. Родители Верховского уже давно переселились в лучшие миры. В своей памяти Евгений редко возвращался

к их образам. Поверхностный, легкомысленный папаша и вечно унылая, всем недовольная маменька. Когда сын бывал на Волковском кладбище, а бывал он там редко, он грустил и вздыхал, как подобает в таких случаях, но душа его не скорбела. Он скорее печалился не оттого, что они так рано его покинули, а от сознания того, что, в сущности, они не были им любимы и близки. В наследство молодому человеку осталось денег достаточных лишь на очень скромное существование, зато много долгов. От нескольких домов в Петербурге остался лишь один в Литейной части. Но и в нем большая часть квартир была сдана внаем. За хозяевами осталась лишь одна огромная квартира на втором этаже. В этих роскошных многокомнатных апартаментах Евгений проживал под нежным и неусыпным присмотром тетушки Татьяны Аркадьевны, сестры отца. Татьяну Аркадьевну потенциальные женихи обошли вниманием и оставили княжну куковать в старых девах. В прошлом остался Смольный институт, растаявшие девичьи надежды. Она постепенно уподобилась лежалому яблочку. На вид вроде бы еще съедобно, но ни вкуса, ни аромата, ни сочности! Трудно было понять, сколько ей лет — и тридцать, и шестьдесят одновременно. Невысокая худая фигурка, жидкие волоски, облагороженные искусным шиньоном, мелкие черты невыразительного личика и немислимо пронзительный высокий голос.

Когда несовершеннолетний племянник остался полным сиротой, Татьяна Аркадьевна со всей

пылкостью нерастраченной любви приступила к опекунским обязанностям. Она окружила его неустанной заботой, но не смогла быть строгой по отношению к своему родственнику. Ведь юноша был так неотразимо хорош, так обходителен и мил, что княжна прощала ему все шалости и проступки. Она словно не замечала, как, по мере того как ее воспитанник рос, увеличивались и его долги, и количество разбитых сердец. Евгений, как всякий светский человек, жил полноценной жизнью. Интриги, сплетни, скандалы не проходили мимо него. Но это только добавляло прелести и шарма к его и без того пленительному образу. Незамужние девицы и молодые вдовушки строили относительно князя matrimониальные планы. Замужние дамы желали заполучить его в свою постель, не без основания полагая в молодом человеке таланты превосходного любовника. Мало кто из них догадывался о том, насколько непрочен роскошный фасад, что он рухнет в тот миг, когда все кредиторы разом предъявят свои векселя. Удивительно, но сам Евгений нисколько не обременял себя тяжелыми раздумьями о хлебе насущном. Воистину, птичка Божия не знает ни заботы, ни труда! Зато Татьяна Аркадьевна все более и более подумывала о выгодном браке для своего любимца. Однако здесь присутствовало одно «но»...

«Нет, это смертный грех! Не думать, не вспоминать, не переживать заново! Грех!» Она с усилием гнала от себя волнующие образы и переживания.

Надо думать о деле, иначе можно и по миру пойти, несмотря на княжеский титул. Таковых она знавала много!

Надо найти такую невесту, чтобы, во-первых, во-вторых и в-третьих, была очень богата и желательна глупа. Такую легче потом отодвинуть на задворки княжеской жизни. И вместе с тем, избранница почитала бы за счастье быть избранной и трепетала перед красотой и титулом супруга всю жизнь. Исходя из подобного расклада, барышня должна происходить из захудалого рода, пребывать в неискушенных девицах и являться единственной наследницей приличного состояния, ради которого можно временно поступиться свободой.

Княжна долго кружила с визитами по столичным домам. Ее принимали везде очень любезно, прекрасно понимая цель подобных визитов. И вот, наконец, забрезжил положительный результат. Правда, придется забыть о дворянской гордости. Девушка принадлежала к купеческой семье. Чистый мезальянс, но какое приданое, какое наследство! Отец, купец третьей гильдии Астахов, торгующий лесом «Астахов и К», домовладелец! Княжна не знала, как и поступиться так, чтобы не уронить достоинства. Надо изобразить пылкую страсть претендента, нежное чувство с первого взгляда. Тогда сделка — титул на деньги — будет не столь явной и отвратительной. Купеческая семья приняла правила игры. Дело оставалось за малым — познакомить молодых. Но как

сделать это пристойно? Выход нашелся. Княжне помогла ее старинная, еще по Смольному институту, приятельница баронесса К. В свое время баронесса продала купцу часть своей недвижимости. Обе стороны остались чрезвычайно довольны сделкой и сохранили знакомство. Евгению суждено было встретить Лидию Астахову в гостиной баронессы.

Накануне молодой Верховский размышлял о предстоящем выборе. Разумеется, это вынужденный шаг. Но не смертельный. Евгений, не обремененный никакими узами и обязательствами, смутно представлял себе обстоятельства, при которых существо женского пола сможет каким-либо образом ограничивать его жизнь. Ну, будет жена жить где-то поблизости, будет называться княгиней Верховской. Придется поначалу вместе делать визиты и принимать у себя гостей. Тетенька поможет изобразить счастливый супружеский рай молодоженов, она мастерица пускать пыль в глаза. Родственничков супруги надо быстро отвадить, пусть почувствуют себя сущими пейзажами! А он сможет сделать это легко и очень чувствительно! Два-три слова, несколько косых взглядов, и готово! Показать папеньке, что его место в лесу, а не в светских гостиных. Сиди на своей лесопилке и тихо радуйся: твоя дочь-корова теперь, ни много ни мало, княгиня. А от вас требуются только ваши денежки на мое безбедное существование!

Размышляя подобным циничным образом, облаченный в домашний мягкий уютный халат, Евгений

отправился на половину тетки. Татьяна Аркадьевна пребывала в величайшем возбуждении. Она, полуодетая, кошкой металась по комнатам и громко вскрикнула при виде вошедшего племянника. Правильнее было бы сказать взвизгнула, такой пронзительностью обладал ее голос. Но Евгений даже не вздрогнул, он с детства привык к подобным тонам и находил их забавными.

— О, Эжен! — тетя называла своего мальчика на французский манер. — Завтра тебя ждет великое испытание! Наберись холодного разума, мой дорогой! У нас нет выбора! Ведь мы почти разорены!

— Это «почти» дает неуловимую надежду! Я весь в сомнениях! Купеческая дочь! Фи! Меня засмеют! Куда я покажусь с такой женой!

Евгений, хоть и решил давно все для себя, тем не менее ему доставляло удовольствие подразнить тетку, изображая нежелание поддерживать ее план.

— Бог мой! — продолжала завывать княжна. — Если бы я могла продать свое тело, свою свободу в обмен на презренный металл и спасти тебя, мое сокровище, от этого унижительного союза!

Она остановилась, выжидая. Теперь была очередь Евгения.

— Нет, тетя, нет! — воскликнул он с дежурной пылкостью. — Я бы никогда не принял этой жертвы! И потом...

Оба замолчали, подумав об одном и том же. Татьяна Аркадьевна дышала тяжело, глаза ее постепен-

но заволакивало поволокой. Евгений отвел взгляд от ее отвислых грудей, видневшихся в разрезе кружевной сорочки.

В это время в передней заверещал звонок. Тетя и племянник вздрогнули и, смяв внутри себя прежние ощущения, перешли к деловому обсуждению предстоящей операции.

На другой день благоухающий духами, в бархатном сюртуке и шелковой рубашке с бантом Верховский явился к баронессе. По выражению лица престарелой матроны он понял, что выглядит чрезвычайно эффектно. Татьяна Аркадьевна, сопровождавшая племянника, оделась по этому случаю с невыразимым шиком. Черное шелковое платье, бережно хранимое с молодых лет, удачно подчеркивало хрупкость ее фигуры, еще вполне привлекательной. Маленькая изящная шляпка кокетливо примостилась на голове, удачно скрывая недостаток волос. Немного румян и помады придали лицу подобие свежести. Худые ручки затянули в перчатки, и все это великолеpie было обильно сдобрено дорогими духами. Почти одновременно прибыла и потенциальная невеста.

Лидия вплыла в комнату и, казалось, сразу заняла собою все пространство. Это была очень высокая девушка, ростом почти с самого Верховского. Каштановые волосы образовывали на голове замысловатый узел. В ушах покачивались сочные рубины, в тон таких же сочных полных губ. Лица в первую

минуту Евгений и не разглядел. Его взор произвольно остановился на огромной полной груди, как казалось, двигавшейся впереди самой барышни. Гигантские размеры бюста так поразили его воображение, что он непростительно замешкался с приветствием, и княжне пришлось слегка подтолкнуть племянника, дабы вывести из оцепенения. Князь даже покраснел, что за ним не водилось с детства, и поспешил приложиться к ручке.

— Какое удовольствие познакомиться с вами, мадемуазель Лидия! — с придыханием произнес молодой человек. И ведь не соврал. Просто глядеть на такое великолепие для всякого мужчины уж есть блаженство, а вот ежели еще и ощутить в своих ладонях! От этой мысли в штанах князя стало тесно и сыро. Он поспешил отойти в сторону и перевести дух.

Теперь можно и лицо разглядеть. Лицо как лицо. Круглое, крупное, глаза выпуклые, навывкате. И впрямь коровица, во всех отношениях! Но телеса-то какие, какие божественные перси!!!

— Разумеется, все представители нашего рода отличались особой красотой, — это до князя долетели обрывки разговора. — Евгений Кириллович унаследовал необыкновенную красоту своей матушки, помноженную на многочисленные таланты и достоинства его отца, моего покойного брата. Он тоже был красавец! Вы ведь помните, дорогая баронесса, моего брата?

Баронесса склонила голову в знак согласия, но промолчала. Она помнила этого старого пакостника князя Верховского, который, навещая сестрицу в Смольном институте, норовил задрать юбку каждой воспитаннице.

«В кого же ты уродилась, такая красавица?» — подумала про себя Лидия. Цепким взором она отметила смятение Верховского, это был хороший знак. Она знала, что красоты в обычном смысле слова в ней нет, но есть то, перед чем не устоит никакой мужчина и даже князь. Простоватая внешность Лидии обманула княжну, почитавшую себя очень опытной. Купчиха вовсе не была так глупа, как казалось. И даже в гимназии училась весьма успешно.

Тем временем разговор вертелся вокруг обычных тем, которые не сходили с языка в каждой гостиной. Князь, оправившись от пережитого смятения, красноречиво ораторствовал, пытаясь поразить девицу своими достоинствами. Подали чай с пирожными. Лидия оживилась и с видимым удовольствием откушала несколько штук подряд.

«Да, голубушка, немудрено, что ты в дверь-то с трудом проходишь. Глядишь, годок-другой и боком протискиваться придется», — подумала про себя княжна. При этом Татьяна Аркадьевна отметила вульгарно торчавший в сторону мизинец, когда барышня брала пирожное с блюдечка или чашечку своими пухленькими ручками.

Князю тоже бросился в глаза злополучный палец, и он уже в лицах рисовал себе ухмылки знакомых за спиной, которыми они будут обмениваться по поводу манер новоиспеченной княгини.

— Однако чудный у вас материал на платье, дорогая Лидия Матвеевна! — затараторила княжна, поняв, что та обратила внимание на взгляды, которыми обменялись Верховские.

— Да-с, это не только материя, это платье прямо из Парижа. Нынешним летом посетили всем семейством. Мне от папеньки ни в чем отказу нет! У меня такие наряды, что не всякая дама в Петербурге себе позволить может! — низким голосом ответила гостя. Малиновые рубины в ушах сверкнули загадочным светом, словно подтверждая слова хозяйки. Их блеск передался золотой цепи на шее, массивным кольцам на полных пальцах. Уже одни эти украшения представляли собой целое состояние. А уж в драгоценностях аристократы Верховские разбирались великолепно!

По возвращении домой тетя и племянник долго и возбужденно обсуждали каждую деталь визита, представляя красочные картины богатства, которое в скором времени им достанется. И даже заспорили о покупке выезда и новой мебели.

— Ну, полно, полно, тетя, вы купите себе, что захотите! Не будем пока делить шкуру неубитого медведя!

— Медведицу ты завалил наповал, мой мальчик! Разве может она устоять перед таким мужчиной, как

❧ Наталья Орбенина ❧

ты? Да мог ли ей присниться такой жених? Кто вокруг нее? Свои же купеческие сынки! Мужланы неотесанные! А ты у меня...

Она в порыве восторга страстно облобызала молодого человека. Князь самодовольно улыбнулся, тряхнул кудрями и с удовольствием посмотрел на свое отражение в зеркале. То, что там он видел каждый день, доставляло ему самое большое удовольствие в жизни.

Однако шутка насчет медвежьей шкуры нашла свое неприятное продолжение. На следующий день Евгений послал в дом Астаховых роскошный букет роз и свою карточку. В ответ он ожидал получить приглашение и готовился к следующему этапу охоты за приданым. Поэтому он не поверил собственным глазам, читая ответ:

«Милостивый государь, Евгений Кириллович! Благодарю Вас за Ваш чудный букет. Он хорош во всех отношениях, однако же роз я не люблю. Лидия».

Пребывая в полном недоумении от этого нелюбезного письма, Верховский сделал над собой усилие и, преодолевая раздражение, лично отправился в цветочный магазин, где под его требовательным взором приказчик составил букет, рассчитанный на самый изысканный вкус. Препжний же был куплен посланным за этой надобностью камердинером.

Ответ на второе послание оказался еще более дерзким и недоброжелательным.

«Увы, мой князь, я вовсе не люблю срезанных цветов!»

Верховскому дали понять, что знакомства продолжать не желают. Такого фиаско он не получал никогда.

Глава 3

Роев едва держался на ногах от пережитого потрясения. Он заставил себя присутствовать при извлечении тела жены из ужасной ямы. От любимого лица не осталось и следа. Время, вороны, черви сделали свое страшное дело. Однако ж, несомненно, это была Надежда Роева. Вполне сохранилась одежда, некогда роскошная шляпа, купленная Роевым у дорогой модистки, сумочка с дамскими принадлежностями и полуистлевшими бумагами. Почему-то почти не пострадали роскошные волосы, от которых Владимир сходил с ума. Теперь же они стали грязным войлоком, а ведь всего год назад густой тяжелой волной падали почти до колен!

Известили полицию. И теперь дело о пропавшей жене превратилось в дело о смерти при неясных обстоятельствах Роевой Надежды Васильевны, двадцати пяти лет от роду, дворянского звания, православного исповедания. После осмотра останков решено было тело доставить в Петербург в закрытом гробу и там похоронить на Смоленском кладбище.

Владимир страшился вернуться домой. Как сказать матери, что дочь ее найдена мертвой? При чем глядеть на нее нельзя, так как это уже не твоя любимая девочка Наденька, а и слов-то не подберешь! Как объяснить сыну, что маменька нашлась, но все равно уже никогда не будет жить вместе с ними и вообще жить на белом свете!

Катерина Андреевна выслушала сбивчивый рассказ зятя с белым каменным лицом. Ему пришлось приложить немало сил, отговаривая тещу открыть крышку гроба. Гроб установили в гостиной, окружив горящими свечами и цветами. Катерина Андреевна застыла у его изголовья с остановившимся взглядом, не видя и не слыша ничего вокруг. Няня несколько раз приводила Васю проститься с маменькой. Ребенок плакал тоненьким жалобным голоском и трогал ручонкой холодную стенку гроба.

— Иди, иди, Васенька, ступай в детскую, молись о своей матери! Пусть Господь простит ей все грехи и возьмет ее в рай! — Бабка нежно погладила по голове осиротевшего внука, и тут наконец на ее глазах выступили спасительные слезы. Горе водопадом вырвалось наружу. Дом огласился отчаянным воем и криком пожилой женщины. Вася тоже закричал — от страха. Он никогда не видел сильно плачущих людей, а тем более свою бабушку, всегда такую сдержанную. Няня поспешно подхватила ребенка и бросилась вон.

Накануне похорон Владимир Иванович уговорил тещу прилечь и попытаться хоть немного по-

спать. Вместе с горничной они почти волоком оттащили Катерину Андреевну в ее спальню. Сам же он вернулся на печальный пост и без сил опустился на колени. Приглашенный дьяк читал заупокойные молитвы. Свечи оплывали, цветы увядали. Завтра гроб осыпят белыми цветами. Она так любила белые цветы! Жасмин, черемуху, сирень, шиповник! В памяти тотчас же ожили чудные картины...

Надя-девочка с длинной косой, обнимает огромный букет упоительно пахнущей черемухи. Смеющаяся Надя прижимает ко рту палец, уколотый веткой белого шиповника...

— ...Какой вы смешной, Владимир Иванович! Зачем, зачем вы затащили меня в эдакую глушь! Вот видите, я уколола палец, теперь я умру, и вы будете виноваты в этом! — Надя, смеясь, поднесла пораненный палец к губам. На его кончике выступила крохотная алая капелька крови.

Роев бросил на землю ветки цветущего белого шиповника, которые он наломал для девушки, и, сам того от себя не ожидая, быстрым движением поймал пальчик и страстно его поцеловал. Кровь выступила еще, он сладострастно слизнул ее. Надя испугалась и хотела выдернуть руку, но Владимир не отпускал своей добычи.

— Вы точно вампир, господин Роев. Кровь мою выпить хотите?

— Зачем мне ваша кровь, я свою бы вам отдал! — воскликнул молодой человек. — Да что кровь, сердце мое, мою жизнь, мою душу, мою любовь! — добавил он тихо.

Надя остолбенела. Она знала Роева всю жизнь, с детства. Он милый, образованный, состоятельный. Конечно, она любила его. Как брата.

— Володя, я... я не знаю, что сказать. Я не хочу обижать вас. Милый Володя, но зачем вы сказали это? Как теперь нам быть друг с другом? Наверное, я так привыкла к тому, что вы всегда есть в нашей семье, поэтому никогда не думала о вас как о мужчине...

То есть я хотела сказать, как об объекте страсти... Ой, не то, не то говорю, вот видите, я сказала глупость, обидела вас! — она замахала руками и почти заплакала. Серые глаза стали влажными, губы скривились и задрожали. Бедная девушка совсем растерялась. И немудрено! Первый раз в жизни ей признавались в любви!

Роев тоже пришел в величайшее волнение. Он давно хотел объясниться. Да все никак не мог собраться с духом. Каждый вечер, ложась спать, он продумывал до мелочей разные варианты и обстоятельства, при которых этот разговор мог произойти. И вдруг сегодня, так внезапно, на будничной прогулке, в зарослях колючего шиповника!

— Наверное, нам ничего не надо говорить друг другу сейчас. Вы успокойтесь, а потом, на холодную голову, примете решение.

— Какое решение? — изумилась Надя.

— Я прошу вас быть моей женой, — бесцветным голосом произнес Владимир.

Надя от этих слов совсем потерялась. Она знала по книжкам и романам, что девица в подобной ситуации должна ответить радостным согласием и скрепить его пылким поцелуем. Но ей совсем не хотелось целовать Володю. А тем более выходить за него замуж! Конечно, они целовались, при встрече, при расставании, поздравлениях, пожеланиях и прочее. В лобик, в щечку. Она представила, как он крепко прижмет ее к себе, вопьется губами в ее рот... Стало так неприятно, что мурашки побежали по коже. Но что же делать? На ум приходили одни банальности. После уже сказанной глупости лучше и вовсе молчать! Но ведь и молчать нельзя, коли ждут ответа!

На Владимира жалко было смотреть. Он поник головой и стал еще меньше ростом. Роев был невысокий, но крепкий, подвижный и гибкий. Будучи старше Нади почти на десять лет, он выглядел ее ровесником. Особенно когда играл с ней в мяч, катался на велосипеде или предавался другим радостям жизни, свойственным только очень молодым, легкомысленным и жизнерадостным людям. Теперь же он стоял перед нею с видом побитого ребенка, русая челка падала на лоб, губы плотно сжаты, глаза потухли. Наде очень нравились эти глаза, всегда умные и доброжелательные. Но не за глаза же замуж выходить!

— Я поставил вас в неловкое положение, Надежда Васильевна! Простите меня! Мне надлежало бы переговорить с вашими родителями, но я посчитал необходимым сначала сказать вам о своих намерениях. Если вы позволите, мы оставим теперь этот разговор и вернемся к нему позже, когда вы привыкнете к этой мысли и обдумаете мое предложение. Сейчас я отвезу вас домой и приеду через день за ответом. Согласны?

Надя уныло кивнула головой. Они двинулись к коляске, стараясь не смотреть друг на друга от смущения. Роев правил сам. Он купил эту щегольскую коляску для прогулок на природе и частенько приглашал Надю и ее родителей. В этот год им стали позволять ездить вдвоем. Владимир стал настолько своим человеком в доме, что можно было без опаски доверить ему юную барышню.

Роев приходился семье Ковалевских дальним-дальним родственником, как говорится, седьмая вода на киселе. Он родился в Москве, но рано покинул отчий дом и двинулся искать удачу в Петербурге. Прибыв в столицу, он навестил Василия Ковалевского, отца Надежды, имея при себе письмецо с просьбой о протекции. Поначалу его встретили холодно и настороженно, как любого незваного гостя, да еще просителя. Однако в просьбе не отказали, он получил захудалое местечко и стал потихоньку обживать в столице. Снял маленькую, но пристойную квартиру, упорно трудился, заводил нужные

знакомства. Владимир обладал приятной располагающей внешностью, незлобивым характером. К тому же имел хорошее образование и приятные обходительные манеры. Через несколько лет он получил наследство после смерти родителей и стал вполне состоятельным человеком. Владимир купил загородную усадьбу в окрестностях Петербурга недалеко от усадьбы Ковалевских и стал частенько навещать к ним по-соседски. Его оценили и полюбили. Ковалевский активно проталкивал молодого человека вверх по служебной лестнице. Его жена, красавица Катерина Андреевна, свела Роева со своими родовитыми и знатными знакомыми. Он стал завсегдатаем их роскошного дома на Троицкой улице в столице и превратился в друга семьи. Особенно нежно Ковалевские стали опекать милого Володю, когда подросла их единственная дочь Надя.

Казалось бы, чего тревожиться родителям девушки из аристократической семьи, с хорошим приданым? Их беспокоила сама Надя. Удивительным образом девочке не передались яркая красота и привлекательность родителей. В свое время брак Василия и Катерины наделал много шума в светском Петербурге. Редко можно встретить семейную пару, где оба супруга столь привлекательны. Василий Никанорович обладал, что называется, породой, статью, изысканной мужской красотой. Правда, с годами некогда точеные черты лица расплылись, фигура расплнела и обмякла. Зато жену его время не брало.

Катерина Андреевна точно сошла с испанских картин Гойи. Гордая стать, черные брови вразлет, карие блестящие глаза, корона темных волос. Она любила носить в ушах крупные камни, которые мерно раскачивались в такт ее королевской походке. Когда родилась девочка, от нее ожидали неземной внешности. Но по мере того, как она росла, росло и скрытое разочарование родителей. Девочка получилась невзрачная, пройдешь мимо, не взглянешь. Угловатая, ширококостная, с длинными руками и ногами, большими ступнями. Лицо открытое, с ясными глазами, слегка украшенное веснушками. Единственное богатство, доставшееся от матери, это роскошная темно-каштановая коса, толстой змеей сбегавшая по спине аж до колен. Наверное, господь Бог сначала задумал ее мальчиком, но потом изменил свое решение. Надя передвигалась быстро, широко шагая, так, что мешала юбка. Любила ездить на велосипеде, могла далеко ходить пешком и плавать в холодной воде.

Но не только блеклая внешность девушки расстраивала родителей. Надя совершенно не страдала от отсутствия красоты. В ней не было ни крупницы кокетства, жеманности, наигранности. Она не желала постигать науки флирта, умения напускать загадочность, притворяться и лицемерить. То, без чего невозможно выводить барышню в свет и искать подходящую партию. Надя была сама искренность, наивность и простота. Она много читала, думала, мечтала, ее интересовали серьезные проблемы. Она

хотела пойти учиться на Бестужевские курсы и стать земской учительницей. Искренне верила в идеалы добра, справедливости и разума. Катерина Андреевна только диву давалась, как она такой стала? Ведь молодую Ковалевскую даже определили было на воспитание в Смольный институт так же, как и ее мать. Но в этой знаменитой кузнице благородных жен и фрейлин ей оказалось столь невмоготу, что она зачахла и заболела. Испуганные родители отступились, и дальше Надя росла как трава. К ней брали домашних учителей, и она с легкостью осваивала премудрости наук. Однако попытки сделать из нее светскую даму отвергала мягко, но непоколебимо. Из всего этого следовало, что с женихами возникнет проблема. И действительно, попытки вывозить девушку в свет закончились сокрушительным провалом. Самолюбие старших Ковалевских было глубоко уязвлено. Сама же Надя к собственному светскому провалу отнеслась равнодушно. Она жила в мире своих образов, книг, переживаний и по-девичьи свято верила в романтические сказки о рыцаре на белом коне.

В этой связи Владимир Роев оказывался единственным и самым достойным кандидатом в мужья. Подружившись с семьей Ковалевских и найдя в их доме то, чего, вероятно, не доставало в его семействе, молодой человек прикипел душой и к супругам, и к их дочери. Она подрастала на его глазах, и он видел, как много в них схожего. Владимира поражала На-

дина открытость и искренность, естественность в поступках и речах. Он понимал, что она не красавица. Но это казалось совершенно неважным, потому что душа этой девушки представлялась ему горным хрусталем. Роев и сам не знал, с какого момента он полюбил Надю и стал мечтать о ней как о возлюбленной. Ему казалось, что всегда, с первого дня, когда он увидал ее трогательным ребенком в платице с оборками и куклой в руках.

От внимательного материнского взгляда Катерины Андреевны не ускользало ничего. Она привечала Владимира как родного сына, всячески давая ему понять, что Ковалевские будут рады его намерениям. Если этот брак состоится, как знать, может, и наивные Надины намерения поступить на курсы и сделаться учительницей развеются сами собой. Будет собственный дом, пойдут дети, девушка превратится во взрослую женщину, и глупости юности пройдут сами собой. Жизнь заставит. Катерина Андреевна не теряла надежды увидеть в дочери собственное подобие. Она приходила в ужас и тоску, представляя Надю с остриженной косой, в невзрачном платице, со стопочкой книжечек, перевязанных бечевочкой. И потом все эти институтки так свободны в нравах! А многие водят знакомства с молодыми людьми очень радикальных и вольнодумных взглядов! Надя, с ее любовью к книжкам и умным рассуждениям, может легко оказаться в опасном знакомстве. Только ранний брак может изменить дело. Как говорится, чуть ли не из колыбели — в

супружеское ложе! Однако вслух ничего не произносилось. Боялись спугнуть Надю. И вот час пробил. Главные слова произнесены.

Когда подъехали к дому, солнце уже клонилось к закату. Владимир помог девушке сойти с коляски и, не оставшись обедать, спешно уехал. Надя вбежала на террасу дома, где в кресле-качалке в ожидании молодежи уютно расположилась мать.

— Отчего это Владимир не остался на обед и убежал, даже не зашел проститься? — изумилась Ковалевская, но, заметив смятенное выражение лица дочери, насторожилась. — Уж не поссорились ли вы?

— Нет, мамочка, хуже того! Он сделал мне предложение! — с чувством выкрикнула Надя и с вызовом посмотрела на мать.

Повисло молчание. Катерина Андреевна быстро барабанила пальцами по полированной ручке кресла. Она ожидала этого шага от Владимира, молила Бога, чтобы это произошло, и все-таки это событие случилось внезапно. Сейчас главное не давить на дочь, необходимо плавно подвести ее к мысли о неизбежности этого во всех отношениях удачного для нее брака.

— Ну что, пойду обрадую твоего отца, — пропела Катерина Андреевна, легко поднимаясь с кресла, — Василий, Василий Никанорович!

Ее бархатный голос зазвучал уже в глубине дома, где в прохладных комнатах от жары лета скрывался муж.

Надя с недоумением уставилась на кресло, которое еще раскачивалось после ухода матери. Ее не стали уговаривать! Вопрос решен, или она настолько свободна в выборе? Девушка побежала в свою комнату и, запершись там, предалась нелегким размышлениям.

Глава 4

Князь Верховский несколько дней обдумывал сложившуюся ситуацию. Он попал в странное, неведомое до сих пор для него положение. Его отвергли. Его не хотят. И кто? Боже мой! Купчиха! Однако перед глазами стояли раблезианские формы барышни Астаховой, и от этих воспоминаний Евгения бросало в жар. Он чувствовал, что ему не удастся просто выбросить Лидию из головы и заняться поиском другой жертвы. Дело в том, что жертвой стал он сам. Жертвой своей сладострастной и ненасытной плоти. Женское тело влекло его постоянно, днем и ночью. В столице не осталось ни одного публичного дома, в котором не побывал молодой человек. Многие светские дамы, с легкой дрожью возбуждения и румянцем на щеках, вспоминали любовные объятия Верховского. Собственная княжеская постель подолгу пустовала. А если он и ночевал дома, то редко спал один. Прислугу в княжеский дом отбирали такую, что просто загляденье! Только горничные долго не задерживались и через некоторое время срочным

образом выходили замуж, получив от хозяина «отступные». Но все эти бурные приключения через некоторое время стали казаться Евгению пресными и обычными. Он стал замечать в себе неприятные особенности. Красивая ухоженная молодая женщина возбуждает его меньше, чем некое уродство. Он устремился на окраины города, в кабаки, притоны, в рабочие кварталы, в мрачные доходные дома в поисках новых ощущений. Горбуны и калеки, спившиеся седые кокотки, еще не утратившие прежних профессиональных навыков, несовершеннолетние, еще нетронутые девочки, а лучше того — мальчики. Эти обитатели людского дна превратились в самую сладостную часть княжеской жизни. Он надолго пропадал, пока еще не рискуя приводить жертву к себе в дом. При этом Евгений сознавал свою возрастающую порочность. Жгучее сладострастие мучило его. Объекты страсти были и самому ему отвратительны. Но чем отвратительней они были, чем более коробилось его эстетическое чувство, тем сильнее он получал удовлетворение чувства животного, физиологического. Верховского пугало то, что с ним происходит. Он не был глуп и наивен, понимал, что следует остановиться. Иначе — катастрофа! Но пока он не видел спасения.

И вдруг — Лидия. Евгения поразила безобразно огромная грудь Астаховой. Купеческая дочь, не подозревая о том, попала именно в ряд того необычного, что так возбуждало Верховского. Но теперь ведь

можно было и жениться, да еще и деньги приличные взять! Выход найден! Совместить порок и супружеское ложе!

Отказ Астаховой от продолжения знакомства привел князя в неистовство. Теперь он готов был на любые шаги во имя обладания этим телом. Перед его взором проносились картины самых изощренных чувственных безумств. Мысленно он уже ласкал, кусал, мял эти безобразные, огромные, божественные груди. Какие они? Мягкие или упругие? Подобны гигантской груше или сочному арбузу? Сосок — какой он, малюсенький приплюснутый или крупный, как зрелая вишня?

Евгений искал встречи с купеческой дочкой, но все напрасно. Он сторожил ее экипаж на прогулках, таскался в дома, где она бывала. Увидеть ее одну или просто заговорить не удавалось никак. Лидия не замечала князя или делала вид, что не замечала. От этого пожар его страсти разгорался еще сильнее. Верховский дошел до того, что стал посещать благотворительные балы, концерты и прочие богоугодные мероприятия. Наконец, его мучения были вознаграждены. На одном из таких концертов ему удалось поговорить с Астаховой наедине.

Концерт давался в пользу больных сирот. Евгений прекрасно отдавал себе отчет, что молодым повесам, подобным ему, не место в столь благочестивом собрании. Он ловил на себе любопытные и недоумевающие взоры присутствующих, но ему

было ровным счетом все равно. Главное, она тут! Лидия!

Астахова, как одна из дам — распорядительниц вечера, с озабоченным и деловым видом сновала по комнатам особняка, любезно предоставленного по такому случаю престарелой графиней Д...кой. Она уже несколько раз пробежала мимо Верховского, и не заметить его она не могла. Князь затосковал. Неужели опять все старания прахом? Он смешон даже в собственных глазах, за его спиной уже шушукают. Вероятно, завсегда и гостиных уже вычислили объект его страданий и показывают пальцем. Пусть, черт побери! Она мне нужна, я добьюсь своего!

— Неужели, князь, вас тронула горькая судьба сирот? — раздался насмешливый голос. Верховский встрепенулся. Астахова стояла перед ним.

«Какой дикий фасон платья, какой нелепый цвет, и это дурацкое перо в прическе!» — мысленно отметил про себя князь, который знал толк в женских нарядах.

— Конечно, судьба сирот не может оставлять равнодушным каждого порядочного человека, мадемуазель Лидия! Я, безусловно, внесу посильный вклад в ваше благородное дело, — он с достоинством поклонился. — Однако есть на свете вещи, которые гнетут меня гораздо сильнее!

Он помолчал, ожидая, что она сама спросит, что же так гнетет его душу. Но Лидия не проронила ни слова, продолжая рассматривать своего собеседника

❧ Наталья Орбенина ❧

холодным и равнодушным взглядом больших выпуклых глаз.

«Чертова корова! Ты у меня еще помычишь!»

— Я осмелюсь продолжить, госпожа Астахова. С некоторого времени я имею несчастье пытаться привлечь внимание одной персоны к своей скромной особе. Однако вышеназванная персона не желает замечать моего присутствия...

— Нет, отчего же, — бесцеремонно перебила его купчиха, — я вижу, вы волочитесь за мною с момента нашего знакомства.

Евгения покоробил и тон, и сама фраза. Но он кротко продолжил:

— Позвольте, мадемуазель, я искал случая выказать мои чувства, мое страстное желание продолжить наше столь краткое и поверхностное знакомство.

— А я не имею столь страстного желания! — опять же довольно резко заметила Астахова.

Евгений почувствовал, как внутри поднимается волна дикого раздражения. С натянутой улыбкой спросил:

— Отчего же, разве я обидел вас, разве чем не угодил?

— Нет, вовсе нет! Просто я не люблю красавчиков типа вас!

— Отчего красивые мужчины у вас в немилости, дорогая Лидия?

— За красивой оболочкой чаще всего прячется пустота, пшик! — заявила барышня с бесцеремонной наглостью.

Евгению показалось, что ему дали пощечину. Это становилось невыносимым. Астахова намеренно говорила с ним грубо, стараясь обидеть и унижить. Нелыханное дело!

— Помилуйте, сударыня? За что такое наказание? Отчего вы столь вызывающе нелюбезны со мною? — с трудом подавив бешенство, процедил сквозь зубы Евгений.

— Я намеренно хочу обидеть вас, господин Верховский, дабы вы более не предпринимали никаких попыток ухаживать за такой грубой, неотесанной, невоспитанной бабой!

Евгений заметил, что некоторые присутствующие пытаются услышать их беседу. Он поймал несколько любопытных взглядов. Вероятно, выражение его лица привлекло внимание. Он потерял над собой контроль, завтра он сделается мишенью сплетен и насмешек! Купеческая дочь оплевала благородного аристократа!

В это время из соседней гостиной раздались звуки рояля, и приятный женский голос запел популярную арию. Публика потянулась слушать певицу. Собственно, сборы от концерта и предназначались в помощь сиротам.

— Мы мешаем внимать музыке! — понизив голос, произнес Верховский. — Прошу вас, выйдем!

Он взял Астахову под пухлый локоток и вывел ее в соседнее помещение. На удачу, оно оказалось зимним садом. Хозяева не скупилась на устройство